Дневники Киллербота: Книга 6. Телеметрия беглецов

Автор:
Марта Уэллс

Дневники Киллербота: Книга 6. Телеметрия беглецов

Марта Уэллс

Дневники Киллербота #6

Продолжение дневников Киллербота. Четвертая и пока последняя книга цикла об андроиде-убийце. Фантастика для гиков и любителей сериалов.

Когда Киллербот обнаруживает мертвое тело на станции «Сохранение», он понимает, что придется помочь службе безопасности в расследовании и определить, чье это тело, как его убили (по крайней мере, это относительно просто) и почему оно было убито (видимо, это важно для многих людей – вот ведь незадача).

Да, вот-вот произойдет немыслимое: Киллербот должен добровольно разговаривать с людьми!

Снова!

«Портрет самого человечного не-человека». – Аннали Ньюиц

«Уэллс создала главного героя, который вызывает привыкание… Киллербот продолжает радовать нас своим интеллектом и едкими комментариями, которые касаются природы человечества». – Library Journal

«Ироничные наблюдения Киллербота за человеческим поведением столь же забавны, как и всегда. Еще один выигрышный выпуск сериала». – Publishers Weekly

«Это безукоризненный детектив. Уютная тайна, украшенная плазменными пушками и космическими кораблями». – NPR

Марта Уэллс

Телеметрия беглецов

Martha Wells

Fugitive Telemetry

Copyright © 2021 by Martha Wells

© Н. Рокачевская, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Мертвец лежал на полу, свернувшись на боку клубком. Под его правой рукой рассыпались обломки сетевого интерфейса. Я видел много мертвых людей (и правда много), поэтому на скорую руку просканировал его и сравнил результаты с архивными данными – температуру тела относительно температуры окружающей среды, синюшность и другие отвратительные показатели, включая жидкости, которые вытекают в момент смерти. Все эти данные находились в моем долговременном хранилище. Сравнение позволило определить время смерти.

– Примерно четыре часа назад, – объявил я.

Доктор Мензах и старший офицер Индах переглянулись. Лицо доктора Мензах было суровым. А Индах выглядела раздраженной, но в моем присутствии она всегда была такой.

– Откуда ты знаешь? – спросила она.

Я конвертировал данные сканирования, мой запрос и результаты сравнения в отчет, который могли бы прочитать люди, и отправил его в канал Индах, а копию – Мензах. Индах моргнула, встревоженно читая отчет. Мензах подтвердила получение данных, но продолжала наблюдать за Индах, приподняв одну бровь. Я снова занялся сканированием и визуальным осмотром места происшествия, хотя над моей головой кружил оперативный отряд новых разведывательных дронов, снабжая меня видеозаписями.

Мы стояли на перекрестке в главной торговой галерее станции «Сохранение» – круглом помещении, где сходились три небольших коридора, один из которых вел в широкий главный коридор № 2, под громким названием Транслатеральный переход. Все коридоры здесь имели названия, эта традиция меня слегка раздражала, но терпеть можно. Как бы коридор ни назывался, ходили по нему мало; в основном срезали путь, чтобы попасть из жилого района в рабочую зону. На станции не было разделения между временным и постоянным жильем, как на станциях Корпоративного кольца, хотя это далеко не самая большая странность на «Сохранении».

Перекресток, как и станция «Сохранение» в целом, не очень подходили для убийства людей; оценочный уровень угроз как для транзитных пассажиров, так и для жителей станции был низким и в основном относился к несчастным случаям, связанным с опьянением. В этом конкретном перекрестке вероятность случайной смерти и вовсе стремилась к нулю. Здесь было пусто, не считая светильников под высоким потолком и стандартных серебристо-голубых панелей на стенах, испещренных старыми граффити и рисунками, которые сохранялись как часть общестанционной исторической экспозиции. Наверное, если твердо решиться, можно было найти способ самоубийства, например открыть разъемы питания под панелями и экранами и лизнуть их, или что-то в этом роде, но этот мертвец явно ничего такого не делал.

Угроза убийства в целом по станции оценивалась в семь процентов. Уровень ниже этого возможен только на необитаемой планете. Я никогда не работал по

контракту на необитаемой планете, потому что если бы работал, значит, мы бы заселяли эту планету. И мертвецы никогда не валяются вот так на полу.

– Так, – начала Индах, наконец-то закончив читать отчет. Да-да, у людей это занимает целую вечность. – Не знаю, насколько точны эти цифры…

Вошел еще один сотрудник службы безопасности – техник, обычно проверяющий грузы на биологическую угрозу, в сети он значился под именем Тьюрал.

– Анализ сканирования показал, что жертва мертва около четырех часов, – сказал он.

Индах вздохнула. Техник Тьюрал смутился – он явно ожидал, что эти сведения воспримут с бо?льшим энтузиазмом.

– Имя? – спросил я.

Интерфейс мертвеца был сломан, и я не мог ничего оттуда извлечь. Если тот, кто это сделал, таким образом пытался скрыть личность убитого, он был наивным оптимистом. На станции хранились все идентификаторы и сканы постоянных обитателей и каждого транзитного пассажира, и узнать его имя будет несложно.

– Его связи?

Тьюрал взглянул на Индах, и она кивком велела ему ответить.

– У него нет ни подкожной метки, ни чипа, ни дополнений – ничего, что помогло бы определить личность. Мы сделали первичный поиск в списках недавно прибывших пассажиров по его физическим приметам, но ничего не нашли. – Индах недовольно нахмурилась, и Тьюрал добавил: – Без интерфейса придется дождаться прибытия медиков, они проведут сканирование тела, и мы сравним результаты с данными прибывших пассажиров.

– А медики еще не прибыли, потому что?… – вопросительно протянула Индах.

Лицо Тьюрала дернулось в предвкушении.

– Сегодня в школе профилактический осмотр, и бот, который обычно делает мобильное сканирование, занят? Пришлось отправить туда мобильный медицинский комплекс?

Люди часто превращают утверждение в вопрос, чтобы звучало не так ужасно, но звучит все равно ужасно.

Индах не выглядела довольной. Губы Мензах дернулись, намекая на «я бы хотела кое-что высказать, но не буду».

– Ты объяснил, что это срочно? – спросила Индах.

– Да, но получил ответ, что срочности больше нет, ведь человек мертв и оживлению не подлежит, поэтому теперь находится в конце списка несрочных дел.

На «Сохранении» вечно все усложняют. И это не метафора моей жизни здесь. Ну ладно, метафора.

Индах сжала челюсти.

– Это убийство. Если тот, кто это сделал, убьет еще кого-нибудь…

– Я сама им позвоню и объясню, что речь не о несчастном случае, – оборвала ее Мензах. – И да, дело срочное, они нужны здесь немедленно. – Она снова посмотрела на тело и нахмурилась. – Совет закрыл порт и поднял истребитель, как только мы получили оповещение, но вы уверены, что этот человек – гость, а не житель станции?

Истребитель нес караульную службу, не позволяя пиратам приближаться к станции, и при необходимости помогал местным и транзитным. Пока порт закрыт, истребитель будет контролировать, чтобы ни один корабль не взлетел без распоряжения Совета.

– Вообще-то нет, канцлер, – признался Тьюрал. – Мы только предполагаем, что он гость.

– Ясно.

Не то чтобы Мензах посмотрела на него неодобрительно, но, судя по ее лицу, она не считала, что Тьюрал, Индах или еще кто-либо, находящийся в непосредственной близости, хорошо справляются со своей работой. Яснее ясного – служба безопасности станции дала маху. По крайней мере, яснее ясного для меня.

Индах, видимо, тоже это понимала, потому что потерла переносицу, как будто у нее разболелась голова. Для жителя «Сохранения» она была низковата, кожа чуть менее смуглая, чем у Мензах, и лет чуть больше, но она была крепко сложена и, судя по грозному виду, могла с легкостью дать пинка любому. Хотя старшим офицером службы безопасности она, вероятно, стала не по этой причине, должность была скорее административная.

– Продолжайте выяснять его личность, – велела она Тьюралу.

Тьюрал поспешил сбежать, пока не получил нагоняй. Мензах по-прежнему смотрела на Индах, приподняв бровь. Трудно описать это точнее – нужно видеть. Индах помахала руками и сказала:

– Ладно, давай это обсудим.

Мензах повела нас по Транслатеральному переходу. Он был широкий, с высоким арочным потолком, на который проецировалась серия голографических снимков поверхности планеты – как будто смотришь вверх через прозрачный иллюминатор. Это ответвление от главной галереи станции шло к секции служебных помещений с дополнительными проходами в зоны хранения запасов. Сейчас движение здесь было минимальным, но станционный бот со светящейся палкой отгонял людей, дополненных людей и дроны-курьеры от перекрестка и оборудования службы безопасности станции. Стоявшая поблизости группа охранников из службы безопасности станции старательно делала вид, будто не наблюдает за нами. Два помощника Мензах из Совета, пришедшие вместе с нами, скептически наблюдали за охранниками.

Бот мог бы развернуть щит конфиденциальности, но Мензах и Индах просто встали за большим растением с огромными листьями, похожими на ласты, которое загораживало вход в общественную столовую. Сетевой маркер на

нескольких языках и яркая надпись на стандартном языке «Сохранения» указывали, что заведение называется «Наваристая еда!!!» и закрыто на перерыв.

Так они оказались в относительном уединении, но я приказал дронам следить, чтобы никто не направил в нашу сторону подслушивающее устройство. Индах повернулась ко мне и спросила:

– У тебя есть опыт в таких делах?

Наблюдая за ней через дроны, я не спускал глаз с вывески «Наваристая еда!!!», вокруг нее танцевали фигурки, видимо, изображающие наваристую еду.

– С мертвецами? Конечно.

Поднятая бровь Мензах теперь была нацелена на меня. Мензах вызвала меня по частному каналу. Я проверил безопасность канала, и она спросила:

«Это „СерКриз“, как думаешь?»

Хм… Возможно. Сейчас у нас имеется только странная смерть, никак не связанная с Мензах или другими людьми, которые могли стать мишенью «СерКриз».

«У меня пока недостаточно данных для оценки», – ответил я.

«Ясно. – А потом она добавила: – Займись расследованием вместе со службой безопасности станции. Даже если убийство не имеет отношения к нашим проблемам с корпорациями, для тебя это отличная возможность».

О-хо-хо (два раза).

«Они не хотят со мной работать», – сказал я.

Впрочем, я и сам не хочу с собой работать, но тут уж ничего не поделаешь, от себя не избавиться. К тому же мне было бы проще заниматься расследованием в одиночку, в особенности, если в процессе придется избавляться от внезапно

скончавшихся агентов «СерКриз».

Нет, не я убил этого мертвеца. Если бы это сделал я, то не стал бы оставлять тело в главной галерее, это уж точно.

«Если хочешь остаться в Альянсе „Сохранение“, тебе стоит наладить отношения со службой безопасности, – сказала она. – Тогда они могли бы нанять тебя консультантом».

Мензах редко прибегала к тону «это ради твоего же блага, придурок», а значит, она и впрямь считала это полезным. А кроме того, я все-таки не придурок и понимал, что она права. И я все равно не мог пока покинуть «Сохранение», даже если мне здесь не нравится и меня тут не любят. Оценка уровня угроз постепенно поднималась. Теперь я получал данные модуля оценки угроз в реальном времени, чтобы не приходилось периодически его проверять, и это служило постоянным источником раздражения, поскольку он реагировал на все подряд. Что это плохо сказывалось на моей собственной тревожности. Но куда деваться.

Службе безопасности станции сообщили про угрозы со стороны «СерКриз», но я доверял безопасникам не больше, чем они мне. То есть не особо, вот так сюрприз. И у них не было опыта отражения корпоративных атак. Они в основном разбирались с несчастными случаями, следили за безопасностью оборудования и сканировали корабли на предмет нелегальных или опасных грузов, а не боролись с убийцами. Они даже не высылали патрули за пределы порта.

Индах наблюдала за нами с кислой миной, явно понимая, что мы разговариваем по сети. Мензах все еще смотрела на меня, подняв бровь, поэтому я ответил на вопрос Индах:

– Да, у меня был опыт расследования подозрительных смертельных случаев в контролируемых обстоятельствах.

– Что за контролируемые обстоятельства? – поинтересовалась Индах, посмотрев на меня почти без скепсиса.

– На изолированных предприятиях.

Она помрачнела.

– Корпоративных рабских лагерях.

– Да, – согласился я, – но, если называть их так, отдел маркетинга и торговых марок рассердится и мне дадут по мозгам разрядом, который поджарит фрагменты нервной ткани.

Индах поморщилась. Мензах скрестила руки на груди, на ее лице было написано нечто вроде «ну что, теперь доволен?» и «хватит уже, проехали». Индах прищурилась в мою сторону.

– Я знаю, доктор Мензах хочет, чтобы ты занялся расследованием. Хочешь поработать с нами?

Ну ладно, я не вру насчет того, что в прошлом занимался расследованиями такого рода. Оказывается, главная опасность для людей в любом изолированном корпоративном проекте, будь то добыча полезных ископаемых или… ладно-ладно, в основном горная добыча. В общем, самую большую опасность для людей несут не пираты, не злобная фауна, питающаяся людьми, и не беглые автостражи, главная опасность исходит от других людей. Они убивают друг друга либо случайно, либо намеренно, и нужно быстро разобраться с ними, потому что это ставит под угрозу страховку, а компания не любит возмещать убытки. По приказу системы жилмодуля автостражи собирают видео- и аудиосвидетельства, потому что никто не доверяет людям-охранникам, включая других людей-охранников.

Несколько раз в моей практике люди убивали друг друга тайно, а не на глазах у всех посетителей столовой во время обеда, но это происходило в основном до того, как мне стерли память, поэтому детали расплывались. Лучше всего предотвращать такое, не позволять людям убивать друг друга, отслеживая агрессивное или деструктивное поведение, например попытки испортить систему жизнеобеспечения другого человека или отравить его воду. Затем я подавал уведомление в медсистему, чтобы вызвать нужного человека на обследование, или докладывал инспектору, который переводил его в другой отдел, и там с проблемой разбирался кто-то еще, если медсистеме не удавалось убедить этого человека остановиться. Но, как бы то ни было, лучше всего постараться, чтобы дело не зашло так далеко.

Знаю, знаю, звучит так, будто во время работы по контракту все люди просто бегали и пытались убить друг друга, но на самом деле это больше напоминало происходящее с бедолагами на транспортном корабле, на котором я добирался до ХэвРаттона, притворяясь человеком, консультантом по безопасности. Люди вечно ныли и ругались от разочарования и страха перед работой по контракту. А когда человек приступает к работе по контракту, становится еще хуже.

С тех пор как я взломал свой модуль контроля, я сохранял все в архиве, но в то время уже редко имел дело с подобными ситуациями. Зато я просмотрел тысячи часов детективных сериалов, так что был вооружен теоретическими знаниями, вероятно, на шестьдесят-семьдесят процентов состоящими из бредовых фантазий.

Но Мензах была права, включиться в расследование – лучший способ узнать, имеет ли аномальная смерть отношение к деятельности «СерКриз» на станции.

– Да, – ответил я. – Вы усилите охрану доктора Мензах по указанным мной стандартам?

Ага, мы постоянно спорили на эту тему.

Индах снова напрягла челюсти (еще немного, и она поранится), но сказала:

– Конечно, учитывая, что по станции разгуливает убийца, я подниму уровень безопасности, в том числе в том, что касается охраны членов Совета и доктора Мензах. Не стоит учить меня делать мою работу.

Вот и прекрасно, может, уровень безопасности наконец-то поднимется – с никуда не годного до приемлемого. Я не изменил выражение лица, зная, что Индах гораздо неприятнее видеть отсутствие реакции.

Мензах откашлялась, намекая на «вы пытаетесь действовать на нервы друг другу, но раздражаете в основном меня».

– Полагаю, это включено в рабочий контракт, – сказала она.

– Конечно, – сухо произнесла Индах, – нет нужды присылать ко мне грозного юриста.

Судя по слову «грозного», она имела в виду Пин-Ли. Она была лучшим на «Сохранении» экспертом по контрактному праву Корпоративного кольца, что превращало ее в автостража среди юристов.

Рабочие контракты для граждан «Сохранения» были довольно просты, потому что свод законов на планете включал уже много защитных мер. Например, люди и дополненные люди не могли передать по контракту права на свой труд и телесную автономию на неограниченное время, это считалась незаконным.

Но я не был гражданином и к тому же, чисто формально, не был личностью, и это все усложняло. Однако Пин-Ли составила контракт таким образом, чтобы меня не могли заставить делать то, чего я не хочу, и платили твердой валютой. Когда мы в первый раз обсуждали, что я могу устроиться на работу и тем самым побудить Совет «Сохранения» предоставить мне постоянный статус беженца, я мало знал о контрактах, в которых выступаю в качестве активной стороны. Раньше я фигурировал в контрактах на аренду, которые заключала компания, ведь я считался просто оборудованием. «Не волнуйся, – сказала Пин-Ли, – за тобой сохранится право уйти в любой момент, если уж ты такой придурок».

«От придурка слышу», – ответил я.

А Мензах тогда сказала:

«Да хватит вам. Во время следующего звонка домой мне придется улаживать споры между подростками, и нужно держать себя в руках».

Если я этим займусь, то хотел немедленно приступить и убедиться, что аномальное убийство не указывает на угрозу для Мензах. К тому же я скачал кучу сериалов для просмотра.

– Могу я осмотреть мертвеца? – спросил я.

Индах устало взглянула на меня.

– Окажи любезность, во время расследования называй его «покойным» или «жертвой».

Она собралась уходить, не дожидаясь ответа.

И не заметила, как Мензах одними губами сказала мне: «Прекрати».

Наверное, сеть годится не для всех форм общения, в особенности не подходит для тех, которые включают сердитые взгляды.

Глава 2

Поначалу служба безопасности «Сохранения» возражала против моего присутствия на станции. Поправка: сначала они были не против, потому что ничего обо мне не знали, считая просто консультантом по безопасности, который доставил доктора Мензах со станции ТранРоллинХайфа, был ранен и получил статус беженца. Большинство людей, если только они не застряли на изолированной корпоративной базе, никогда не видели автостражей, кроме как в сериалах и новостях, где мы всегда в броне. Но доктор Мензах рассказала Совету «Сохранения» правду (да, я тоже не знаю зачем), а потом ей пришлось ввести в курс дела службу безопасности станции.

Старший офицер Индах вместе с остальными сотрудниками службы безопасности высшего уровня присутствовала на совещании под условным названием «Ого, у нас тут беглый автостраж». Вы бы видели их лица!

Поднялся страшный шум, все безопасники как один вопили: «А вдруг он захватит системы станции и всех поубивает?» Тогда Пин-Ли сказала им: «Если бы он захотел, то уже бы это сделал». Теперь я понимаю, что это был не самый удачный ответ. А потом Мензах, Пин-Ли и я уединились со старшим офицером Индах.

После вежливого спора между людьми стало ясно, что старший офицер Индах решительно настроена от меня избавиться. Она уговаривала Мензах куда-нибудь меня сплавить, к примеру на частично изолированную часть планеты,

пока ситуация не будет «оценена должным образом».

Я даже не знал, как на это реагировать. С одной стороны, это было ужасно. Уровень угрозы вероятного возмездия «СерКриз» постоянно увеличивался, и я должен был оставаться рядом с Мензах. Я ненавижу планеты, но если она летит на планету, то и я с ней. Вот правда, НЕНАВИЖУ планеты. Но в одиночестве я точно не собирался на мерзкую планету, при этом оставив Мензах здесь, где ее могут убить, а потом «СерКриз» устроит погром на станции.

Пин-Ли не отреагировала, только покосилась на Мензах и послала мне сообщение по сети:

«Хотя бы попытайся выглядеть более симпатичным».

Ага, как же, на это я точно отвечать не собирался.

Мензах и бровью не повела.

– Нет, это неприемлемо, – холодно ответила она.

Индах поджала губы. Думаю, она разозлилась, из-за того что Мензах не рассказала ей обо мне сразу после нашего приезда с Корпоративного кольца. Видимо, дело именно в этом, ведь я ничем больше не мог вызвать ее злость.

– Если ты привыкла иметь дело с опасным оружием, это еще не значит, что оно не восстанет против тебя. Или не покалечит кого-нибудь еще, – сказала Индах.

Ого, вот это поворот. Но я совсем не обиделся. Нет-нет. Я к такому привык. Целиком и полностью.

А Мензах не привыкла. Она прищурилась и слегка наклонила голову, ее губы дернулись, и вежливая улыбка руководителя планеты, как бы говорящая «я готова выслушать и принять все ваши идеи», превратилась в нечто иное. Если бы с таким выражением лица она посмотрела на меня, я бы придумал какой-нибудь предлог и убежал подальше. Ну ладно, не совсем так, но как минимум прекратил бы трепаться. Она ответила таким тоном, от которого могла бы понизиться температура окружающей среды:

– Мы говорим о личности.

Мензах способна сохранять спокойствие в напряженной обстановке, поэтому легко забыть, что она может и разозлиться. Судя по тому, как быстро поменялось выражение лица Индах, она поняла, что облажалась по-крупному.

Пин-Ли улыбнулась уголком губ. Я проверил ее сетевую активность и обнаружил, что она копирует документы из станционной базы данных в личную сеть. Как любой человек, она делала это медленно (для меня это все равно как наблюдать за разрастанием водорослей), и я отметил, что документы касаются первоначального устава «Сохранения» и списка основных прав человека. А также правил назначения на государственные должности. В частности, должность старшего офицера службы безопасности.

Ага, похоже, Индах и впрямь облажалась по-крупному. Пин-Ли готовила доклад для Мензах и остальных членов Совета с рекомендацией уволить Индах.

Теперь я уже знаю, что на «Сохранении» увольнение – совсем не так страшно, как на Корпоративном кольце, ее не убьют, и она не умрет с голода.

Индах набрала в легкие воздуха, собираясь что-то сказать, но тут Мензах ровным тоном произнесла:

– Не стоит все усложнять.

Индах выдохнула.

– Я согласна забыть то, что ты сейчас сказала, – продолжила Мензах, и Пин-Ли возмущенно засопела, Мензах остановилась и бросила на нее странный взгляд, но Пин-Ли явно поняла его значение, вздохнула и прервала поиск документов. Мензах снова повернулась к Индах и добавила: – Я лишь хочу сохранить рабочие отношения. Мы обе – разумные люди и можем отбросить подрывающие наши отношения эмоции.

Лицо Индах по-прежнему осталось хмурым, но она явно испытала облегчение.

– Прошу меня простить. – Значит, она еще и трусиха. – Но у меня есть опасения.

Затем они долго обсуждали меня (а это всегда забавно) и в итоге заставили согласиться с двумя ограничениями. Первое: я должен пообещать, что не буду взламывать частные системы или другие боты, дроны и так далее. И меня, и службу безопасности станции это решение сильно расстроило, хотя и по разным причинам.

Нельзя сказать, чтобы частные системы на станции были особо интересными – «Сохранение» не прибегало к внешнему наблюдению, помимо важных технических узлов и шлюзов. Так что мне не особо и хотелось получить доступ к их дурацким скучным системам. Если здесь появится «СерКриз» и разнесет станцию к чертям, то не по моей вине.

И все-таки по моей. Потому что я ничем не смогу помочь.

* * *

В общем, дела обстояли таким образом: когда Мензах сообщили, что в главной галерее нашли мертвеца, я заключил неустойчивое перемирие со службой безопасности станции.

Она уперлась ладонями в свой стол и спросила:

– Это оно?

Она имела в виду атаку «СерКриз», которую мы ждали. Без доступа к камерам я чувствовал себя совершенно беспомощным.

– Возможно.

Она неопределенно поморщилась.

– Я почти на это надеюсь. Тогда мы сможем наконец с этим разобраться.

* * *

А теперь на мою голову свалился мертвец.

Вернулся техник Тьюрал, а из Транслатерального перехода вынырнули еще двое и занялись сетевым анализом, безуспешно копаясь в базе данных. Мензах пошла обратно в свой кабинет вместе с двумя помощниками и оперативным отрядом дронов, который я для нее выделил. Поскольку в коридорах станции не было камер (и я, разумеется, отметил, что в противном случае мы бы уже знали, кто убил мертвеца, ой, простите, жертву), мне пришлось создать собственную наблюдательную сеть разведывательных дронов.

Я обещал не взламывать системы станции. Но никто не говорил о запрете моих собственных систем.

– Пока что нет данных по его личности, – обратился Тьюрал к Индах.

Она этому не обрадовалась.

– Нам нужно установить его личность!

– Мы проверяли ДНК, но не нашли совпадений в базе, значит, жертва не состоит в родственных связях примерно с восьмьюдесятью пятью процентами жителей планеты.

Индах уставилась на Тьюрала. И я тоже – через дроны. И это он называет результатом?

Тьюрал откашлялся и продолжил:

– Так что придется подождать сканирования тела.

Образцы ДНК в Альянсе «Сохранение» сдавали добровольно, причем их не брали у прибывающих пассажиров. В большинстве известных мне мест, по крайней мере на Корпоративном кольце, существует множество способов обойти проверку ДНК, поэтому она не используется. Полное сканирование тела надежнее, хотя и его можно сфальсифицировать. Взять, к примеру, меня.

Индах посмотрела на меня с вызовом, типа «ну-ну, поглядим, что у тебя есть». На самом деле она не хотела знать, что у меня есть, и поэтому я просто спросил Тьюрала:

– Вы провели криминалистическую экспертизу?

– Да.

Тьюрал отреагировал нормально, значит, я выбрал верные слова. Пометка для себя: термин «криминалистическая экспертиза» годится не только для сериалов.

– Я отправлю тебе отчет, когда он будет готов, – сказал Тьюрал.

Жаль, что они уже провели экспертизу, мне хотелось посмотреть, как это происходит в реальной жизни, а не в сериалах.

– А есть необработанные данные? Я бы взглянул.

Тьюрал посмотрел на старшего офицера Индах, и та кивнула. Тьюрал переслал мне данные по сети, и я быстро провел рутинный анализ. На перекрестке было множество случайных контактов ДНК – здесь проходило много людей, и они дотрагивались до разных предметов. Люди постоянно все трогают, как ни печально. Но присутствующие (и отсутствующие) контактные ДНК на теле выглядели странно.

– После нападения убийца стер следы, – сказал я.

Индах на секунду отвернулась и что-то сказала другому безопаснику. Затем повернулась обратно, и Тьюрал явно всполошился.

– Ты понял это из отчета?

Ну да. Компания специализировалась на обработке исходных данных и извлечении нужных фрагментов, и у меня до сих пор сохранился нужный код.

– На одежде покойного слишком мало сторонней ДНК.

В файле сравнения были образцы покойного, двух людей, которые его нашли, и медицинской бригады скорой помощи; две эти группы образцов присутствовали на одежде покойного, как и следовало ожидать. Но образец самого покойного отсутствовал. Одежда была такой чистой, как будто ее только что достали из утилизатора или стерилизатора. Поэтому… Ну да, вы поняли. Я перевел результаты анализа в приемлемую для человека форму и отправил их обратно Индах и Тьюралу.

Пока они читали отчет, Тьюрал поморгал, а взгляд Индах расфокусировался. Это займет их на какое-то время, и я присел около тела, чтобы осмотреть рану. Могли быть и другие раны, а эта – необязательно причина смерти, мы не узнаем наверняка, пока покойного не поместят в патологоанатомический комплекс медсистемы.

Рана находилась на затылке мертвеца, у основания черепа. По результатам визуального осмотра я мог лишь сказать, что она глубокая, без выходного отверстия. Никаких следов ожога. А на полу должны были обнаружить больше крови и мозгового вещества.

– Если эта рана стала причиной смерти, покойного убили не здесь.

– Это мы уже поняли, – сухо отозвалась Индах. Потом она взглянула на Тьюрала и добавила: – Нужно поискать, какими средствами для очистки могли убрать следы контактной ДНК и какие из них доступны на станции. В особенности небольшого размера, которые можно спрятать в кармане или сумке.

Как жаль, что мы не доверяем автостражу, эксперту по проведению такого рода поисков.

– Инструмент могли принести извне, – сказал я просто из вредности.

Она проигнорировала мои слова.

Тьюрал сделал пометки в их сети, а потом заявил:

– Даже без контактной ДНК одежда говорит о многом. Она очень выделяется.

Можно сказать и так. Покойный был в пальто до колен поверх широких штанов и длинной рубашки – вполне обычная комбинация в человеческой одежде, вот только цвета и узоры привлекали внимание. Они могли подсказать, из какой системы или планеты прибыл покойный, или, по крайней мере, указывали на место, в котором он недавно побывал. Но скорее всего, одежда ни о чем не говорит.

– Необязательно. Подобную одежду можно купить в автоматизированных магазинах некоторых станций Корпоративного кольца. За дополнительную плату можно получить любую расцветку и рисунок.

Я это знал, потому что мои темные брюки, рубашка, куртка и ботинки были куплены в подобном месте, и меня крайне раздражало, что в торговом центре станции «Сохранение» такой магазин отсутствовал. Значительная часть одежды поставлялась на станцию с планеты, где одежда и ткани, сделанные человеческими руками, пользовались такой популярностью, что почти отсутствовали ткани из автоматов-утилизаторов. Я же говорил, что «Сохранение» – странное место.

– Я этого не знал, – сказал Тьюрал.

Он наклонился со сканером в руке и взял крохотный образец пальто мертвеца.

Индах нахмурилась еще сильнее.

– Значит, одежда может указать на происхождение или выбрана с целью камуфляжа под другую станцию или систему, – отметила Индах. – Либо просто каприз моды.

Только не смотри на меня так, будто это моя вина. Я просто говорю то, что знаю.

Тьюрал изучил отчет с анализом ткани.

– Ты прав, это переработанная ткань. Одежду могли купить в подобном магазине.

– Или на корабле. – Оба уставились на меня. – На некоторых кораблях есть сложные системы переработки, – объяснил я.

Индах поджала губы. Слушай, ну я понимаю, что не облегчил задачу, но нужно учитывать все варианты.

– Так эта одежда нам о чем-нибудь говорит или нет? – спросила она.

Еще как.

– Покойный не боялся, что его заметят. Или хотел выглядеть так, будто не боится, что его заметят. Хотел выглядеть как транзитный пассажир.

Люди с планеты «Сохранение» носят всякую одежду, на станции – по большей части рабочие штаны, короткие куртки и короткие или длинные толстовки, либо более официальные длинные платья или кафтаны, однотонные, с узорчатой каймой. Яркие цветастые узоры вроде одежды мертвеца здесь редко встретишь, они сразу привлекают внимание.

– Если ты боишься, что за тобой следят, есть два способа передвигаться по транзитным кольцам. Можно слиться с окружением, что гораздо легче сделать в толпе. Или можно выделиться, как будто не боишься, что тебя заметят.

У меня никогда так не получилось бы. Но настоящий человек с подлинно человеческим языком тела, которому не нужно беспокоиться о том, что встроенные в его руки излучатели зазвенят в сканере оружия, сумел бы.

– Нужно быть готовым постоянно менять одежду и внешность. Всегда нужно выглядеть так, будто ты прибыл из другого места.

А на больших станциях с кучей автоматизированных магазинов это проще простого.

Выражение лица Тьюрала сменилось с раздраженного на задумчивое, и даже Индах, похоже, заколебалась.

– Медики должны проверить, не менял ли в последнее время этот человек цвет волос или кожи, – объявил Тьюрал.

Индах опустила взгляд на тело.

– Хм… Если бы я встретила его в коридоре, то посчитала бы обычным гостем станции, даже не задумавшись.

О-хо-хо, именно поэтому мне и нужно охранять Мензах.

– А еще понадобится дорожная сумка.

Вроде бы ерунда, но важная деталь. Если этот человек специально решил выделиться, чтобы замаскироваться, ему нужна была сумка. Сумка подразумевает, что он куда-то перемещается, она помогает вписаться в окружение. Я проверил снимки смежной с перекрестком зоны, собранные моими дронами, но не обнаружил брошенной сумки.

– Если он хотел выглядеть как транзитный пассажир, у него должна быть сумка, – сказал я.

– Не помешало бы ее поискать. – Индах сделала шаг назад и сказала по коммуникатору: – Проверьте ближайшую зону, а также проведите общестанционный поиск найденных бесхозных предметов. Ищем дорожную сумку. – Она замолчала, слушая сообщение по сети, а потом добавила: – Патологоанатомы прибыли. Давайте не будем им мешать.

– Я могу забрать сломанный интерфейс для анализа? – спросил Тьюрал. – Место происшествия уже сканировали, а положение тела зафиксировали.

Индах кивнула.

– Забирайте.

Тьюрал замешкался, покосился на меня, а Индах сказала мне:

– Пока все. Мы тебя вызовем, когда ты понадобишься.

Я сразу понимаю, когда мне говорят «вали на хрен». И я свалил.

Глава 3

Мое первое задание в качестве консультанта службы безопасности станции обернулось фиаско, что совершенно неудивительно. Безопасники не хотели меня здесь видеть и, что бы ни говорила Мензах, не собирались менять точку зрения.

Запрет доступа к частным системам станции был лишь первым ограничением. Второе заключалось в том, что я не должен был скрывать свою личность. Не то чтобы я тщательно пытался замаскироваться. Подчиненные Мензах, ее семья и Совет знали, кто я такой; но остальные жители станции либо не замечали меня, либо думали, что я консультант Мензах по безопасности. Служба безопасности станции хотела, чтобы я получил сетевой идентификатор, и публичная сеть опознавала меня и предупреждала людей об опасности, уведомляла персонал станции и жителей о том, что по станции свободно разгуливает автостраж. Мензах отказалась даже обсуждать такое, но на очередном дурацком совещании с Индах спросила:

– А как именно будет звучать предупреждение?

Моя производительность тут же упала на 1,2 процента. Я связался по сети с Пин-Ли и отправил ей сообщение:

«Найди закон, по которому это нельзя сделать».

«Мензах должна их чем-то умаслить, – ответила она, но сразу же обратилась к Мензах: – Он не хочет, чтобы ему присвоили сетевой идентификатор».

У людей и дополненных людей нет никаких сетевых идентификаторов. Из сериалов я знал, что в разных местах, в зависимости от политического образования, станции, зоны и так далее, это имеет разное значение. Здесь, на «Сохранении», идентификатор означал «пожалуйста, держитесь от меня подальше». Ну и ну. Я ведь уже согласился не взламывать их системы, чего еще

от меня надо этим говнюкам?

– Сетевой идентификатор будет сообщать лишь то, что всем и без того известно, – ответила старший офицер Индах. – Только имя, пол и…

Она умолкла и посмотрела на меня, а я на нее.

– Все остальные, у кого есть сетевой идентификатор, получили его добровольно, – заметила Пин-Ли. – Так сказать, по обоюдному согласию.

Старший офицер Индах отвернулась от меня и хмуро покосилась на Пин-Ли.

– Мы просим только обозначить его имя.

У меня есть имя, но это личная информация.

Пин-Ли сказала Мензах по защищенному соединению:

«О да, отличная мысль. Как только кто-нибудь из жителей станции наткнется на Киллербота…»

Это одна из причин, по которой я не разглашаю свое имя.

– Не думаю, что это приемлемо, – ответила Мензах, обращаясь к Индах.

– Честно говоря, я не понимаю, в чем проблема. – Индах беспомощно махнула рукой в мою сторону. – Я даже не знаю, как он себя называет.

Старший офицер Индах вела себя так, будто считает свое требование обоснованным. Но она выдвинула его, потому что не доверяет мне, и хотела предупредить всех людей и дополненных людей, которые со мной столкнутся, на случай, если я вдруг начну буянить и убивать всех подряд. И мой идентификатор с предупреждением каким-то образом послужит оправданием, когда меня застрелят.

Мензах сжала губы и посмотрела на меня.

«Можешь объяснить ей, почему для тебя это неприемлемо?» – попросила она.

Я не был уверен, что смогу. И понимал, почему, с их точки зрения, это казалось такой мелочью. Может быть, стоило закончить эту встречу и больше не слушать, как люди разглагольствуют, почему не хотят, чтобы я гулял по их драгоценной станции.

В качестве имени я мог использовать местный сетевой адрес, вшитый в мои нейроинтерфейсы. Это не мое настоящее имя, но так меня называют системы, с которыми я взаимодействую. Если бы я использовал этот сетевой адрес, люди и дополненные люди, с которыми я столкнусь, считали бы меня ботом. Или я мог использовать имя Рин. Оно мне нравилось, и некоторые люди за пределами Корпоративного кольца считали его моим настоящим именем. Я мог бы так назваться, и людям на станции не пришлось бы задумываться о том, кто я такой на самом деле – конструкт из клонированных человеческих тканей, разных модулей, тревоги, депрессии и бесцельной ярости, машина для убийства, которую когда-то можно было взять напрокат, а если бы я совершил ошибку, мой мозг уничтожили бы с помощью модуля контроля.

Я создал сетевой идентификатор с именем Автостраж, пол – отсутствует. И никаких других данных.

Индах моргнула и сказала:

– Что ж, думаю, это годится.

На этом встреча закончилась. Пин-Ли и Мензах больше это не обсуждали, но Пин-Ли отправилась пить опьяняющие жидкости со своими друзьями-людьми. А Мензах позвонила своим брачным партнерам Фараи и Тано на планету и сказала, что, по ее мнению, будущее человечества выглядит довольно мрачно, поэтому им следует взять всех детей, своих братьев и сестер и их детей, а также прочих родственников, переехать в хижину в секторе терраформирования на незаселенном континенте и начать культивировать почву, что бы это ни значило.

Я не был в восторге от этой идеи, но мог с ней смириться. Там было бы гораздо проще охранять Мензах от «СерКриз». Но Фараи и Тано не поддержали эту затею.

А через два цикла кто-то отправил мою фотографию в новостной стрим станции, обозначив меня как беглого автостража, о котором говорят во всех новостях и сплетнях с Корпоративного кольца.

На станции почти не было камер видеонаблюдения, но до согласия не взламывать системы я стирал себя с записей. Эта фотография была получена из другого источника, возможно, с камеры дополненного человека. Очевидно, ее сделали после того, как я завершил восстановление памяти, после публичных слушаний по поводу «СерКриз», проводившихся в большом зале заседаний Совета «Сохранения». Мензах спускалась по лестнице из офисов Совета, а я стоял позади нее, между Пин-Ли и доктором Бхарадвадж. Мы все смотрели в сторону, и на лицах было написано: «Какого хрена?» Какой-то журналист только что спросил пресс-секретаря Совета, допустят ли на заседание представителей «СерКриз». От такого глупейшего вопроса я забыл, что не следует менять выражение лица.

Предположительно, фотографию отправила в сеть не старший офицер Индах или кто-то из безопасников. Ну да, конечно.

После чего Мензах, которая разозлилась, хотя и притворялась, будто нет, дала мне две коробки с крохотными разведывательными дронами. Индах возражала, но Мензах сказала ей, что для меня это как медицинский аппарат, они нужны мне для полноценного взаимодействия и общения с окружающими.

Думаю, Мензах заказала дроны заранее, это было что-то вроде взятки за то, что она не прошла посттравматическую терапию и не затребовала клиентский протокол после случившегося с ней на ТранРоллинХайфе. Индах, конечно же, этого не знала и решила, что Мензах отдала разведывательные дроны автостражу, которого никто не хотел видеть на станции, в качестве показательного жеста «пошла на хрен».

И в этом была доля истины. Мензах очень умна, она могла одновременно и подкупить меня, и сказать Индах «пошла на хрен».

Вообще-то у меня были и другие дела, кроме как наблюдать, не появятся ли убийцы из «СерКриз», и следить за попытками службы безопасности станции вышвырнуть меня из Альянса «Сохранение». Доктор Бхарадвадж занялась предварительным сбором данных для своего документального фильма о

конструктах, и я пять раз ходил к ней в офис, чтобы поговорить об этом, она хотела установить регулярный график встреч.

Доктор Бхарадвадж – из тех немногочисленных людей, с которыми легко разговаривать. Во время первой встречи, после того как моя фотография попала в новостной стрим, мы говорили о том, почему люди и дополненные люди боятся конструктов, и хотя я не собирался это обсуждать, но почему-то все равно ответил. Она сказала, что понимает их страх, потому что сама в какой-то степени испытывала его, пока я не спас ее от гигантского враждебного объекта, который собирался ее сожрать. И она размышляла о том, как помочь другим людям прийти к такому же выводу, но без аналогичного опыта в пасти инопланетной фауны. Конечно, она выразилась не в точности так, но смысл был такой.

Во время второй встречи я почему-то сразу признался ей в том, насколько сложно и раздражающе находиться на станции «Сохранение» и быть самим собой, не притворяться дополненным человеком или роботом, и я не знаю, смогу ли продолжать. Она ответила, что удивилась бы, если бы для меня это не было сложно и раздражающе, потому что мое положение в принципе сложное. Почему-то мне полегчало.

Я также помогал Ратти с анализом данных для его отчетов об исследованиях, и он пытался убедить меня, что я мог бы выполнять такую работу и для других ученых. Конечно, это возможно. Если бы я хотел испытывать такую же скуку, как на прошлой работе, когда бо?льшую часть времени я стоял на одном месте, не имея возможности пошевелиться, и смотрел в стену. С Ратти не было скучно, но не все исследователи будут в восторге от моей помощи с отчетами и вряд ли пригласят на театральный спектакль.

Как бы там ни было, теперь мне нужны были разведданные для оценки угроз, чтобы я мог понять, не причастна ли к убийству «СерКриз», а потом вернуться к счастливой и скучной жизни на гнусной станции «Сохранение».

Дроны оповестили, что Мензах вернулась в офис Совета (я завел привычку проверять разные отряды караульных дронов каждые семнадцать секунд). Если бы на станции было лучшее видеонаблюдение или если бы у меня был доступ к немногочисленным камерам, установленным в транзитном кольце, я мог бы начать поиск изображений мертвеца, узнать время его прибытия и сопоставить с записями портовой администрации. Вероятно, еще до того, как служба

безопасности станции получит скан тела от медиков.

Не похоже, чтобы мертвец был агентом «СерКриз», ведь кто-то его убил. Насколько мне было известно, на тот момент только я выискивал на станции агентов «СерКриз» с целью убийства.

Я вдруг понял, что мне не нравится фраза «насколько мне было известно», поскольку она предполагает, как много я еще не знаю. Конечно, я не прекращу использовать эту фразу, но все же. Просто она мне больше не нравится.

Кстати, о том, чего я не знаю. Я не был уверен в том, что мертвец косвенно не связан с операциями «СерКриз». Его могла послать конкурирующая корпорация, даже моя компания, для прикрытия замыслов «СерКриз», а убил его настоящий оперативник «СерКриз».

Точно, сценарий, когда оперативник корпорации был убит агентом «СерКриз», имеет смысл, хотя пока что у меня не было никаких данных, связывающих эту версию с реальностью. Но поиск аномальной активности – это верный путь обнаружить дыры в безопасности. Убийство на безопасной станции вроде «Сохранения», безусловно, можно отнести к аномальной активности.

Если мертвец прибыл сюда не в гости к другим людям, ему понадобилось бы место для сна и хранения вещей. Людям всегда нужны вещи, я ни разу не видел человека, путешествующего без багажа.

Рядом с портом находился большой жилой квартал для гостей, приезжающих на короткий срок, и транзитных пассажиров, которые чего-либо дожидались: корабля, разрешения лететь дальше на планету либо еще куда-нибудь в пределах системы, одобрения статуса постоянного жителя или еще чего-нибудь.

На станцию «Сохранение» прибывало не так много транзитников, как в крупные центры, через которые я перемещался на Корпоративном кольце. Большинство людей, прибывавших сюда, отправлялись на одну из планет Альянса «Сохранение» на длительный срок – либо на постоянное место жительства, либо на время работы. Другие прилетали не с Корпоративного кольца, используя «Сохранение» как промежуточную станцию по пути куда-то еще, или же это были торговые представители либо независимые коммерсанты на грузовых кораблях. Изредка встречались люди из мест, не входящих в транзитную сеть –

«потерянных» колоний или станций, которые обрели независимость и не поддерживали связь с транзитными станциями. Здесь не было корпораций Корпоративного кольца, поэтому их представителям не было нужды приезжать по делам. Кто-нибудь иногда приезжал в гости, но большинство людей боялись путешествовать за пределы Корпоративного кольца. Они думали, что за пределами Кольца повсюду пираты-каннибалы, убивающие всех подряд.

Помимо жилого квартала в порту на станции были и другие места, где можно остановиться, например гостиница для постоянных жителей, там снимали комнаты Ратти и другие, не имевшие постоянного жилья. Я тоже вроде как там жил. Видеонаблюдение там было смехотворно минимальным, как везде, а без доступа к системам станции… без разрешения получить доступ к системам.

Но был и другой способ получить нужные данные.

Первым делом я пошел в жилой квартал для транзитных пассажиров, потому что, если моя первоначальная теория верна и мертвец прибыл недавно, вероятнее всего, он обосновался именно там.

Я остановился перед входом, рядом с зоной отдыха с креслами и столами, окруженной круглыми растительными биомами, несущими как декоративную функцию, так и информирующими, что не следует трогать, если вы окажетесь на поверхности планеты. Ага, как же. Моя работа в том и состояла, чтобы круглосуточно не давать людям трогать опасные предметы. Я встал так, чтобы можно было притвориться, будто читаю по сети инструкции общежития, и послал запрос.

Через 1,2 секунды (полагаю, эта пауза возникла из-за потрясения) я получил ответ и вошел в вестибюль.

Это было круглое помещение с высоким потолком, с регистрационными киосками, множеством коридоров, ведущих к жилой зоне, и аркой в другое помещение с полками и холодильными камерами, где хранились продукты питания для постояльцев. Да и вообще для любых людей или дополненных людей, которые сюда забредали. У Альянса «Сохранение» странный принцип – еда, медицинская помощь и все прочее, необходимое людям для выживания, должны быть бесплатными и доступны в любом месте. Бот как раз находился в кладовке, пополняя запасы из движущейся тележки.

Он был гуманоидного типа, но более функциональный, с шестью руками и плоским диском вместо головы, который можно поворачивать и выдвигать для сканирования. Бот повернул «голову», наблюдая, как я прохожу через вестибюль. Такое поведение было разработано как привычное для людей, а на самом деле его глаза-датчики располагались по всему телу. Даже не знаю, почему бессмысленное поведение бота, существующее только как привычное для людей, так сильно меня раздражает. Ладно, может, и знаю. Это ведь люди нас создали, верно? Так неужели они не знают, каким образом этот бот воспринимает визуальные данные? Вряд ли датчики и сканеры появились на его теле случайно, без участия людей.

Это был один из «свободных» ботов «Сохранения», о которых я так много слышал. У них есть «попечители» (хозяева), несущие за них ответственность, но боты сами выбирают себе работу. Интересно, а есть такие, которые не работают и просто сидят сложа руки и смотрят сериалы? Понятия не имею. Я мог бы спросить, но боюсь случайно перезагрузиться от этих скучных разговоров.

– Привет, автостраж, – сказал он. – Что тебя сюда привело?

Фу-ты ну-ты.

– Тебе необязательно вести себя так, будто я человек, – отозвался я.

Судя по данным из запроса, протоколы бота отличались от типичных для Корпоративного кольца, вероятно потому, что его создали в другом месте. Я идентифицировал его языковой модуль, достал из архива и загрузил, а потом установил сетевое соединение. Отправив приветствие, я получил ответ:

«Запрос?»

Он спрашивал, зачем я здесь. Я ответил:

«Запрос: идентификация».

И прикрепил фотографию мертвеца.

В вестибюль вошел другой человек, вполне живой, один из менеджеров общежития. Он остановился, уставился на нас и сказал:

– Все в порядке, Теллус?

Бота звали Теллус. И само по себе имя кошмарное, а звучит еще хуже.

– Мы разговариваем, – ответил Теллус.

Менеджер нахмурился.

– Тебе нужна помощь?

Поскольку бот по-прежнему тремя руками разгружал тележку, человек явно имел в виду меня.

– Помощь не требуется, – ответил бот.

Менеджер поколебался, кивнул и пошел дальше по коридору. Не знаю, чем, по его мнению, я занимался с ботом. Учил его взламывать системы? В отличие от конструктов, у ботов нет модуля контроля, а на «Сохранении» ботам позволяется заниматься чем угодно.

Я, разумеется, знал, в чем дело. Я не бот и не человек, а потому не попадаю ни в одну нормальную категорию. И кроме того, ненавижу, когда меня опекают. А вся система ботов и попечителей как будто специально создана для любителей опекать.

Снова вернувшись к разговору, бот спросил:

«Запрос?»

Заметив, что он уже провел поиск по своему архиву изображений, в ответ я послал копию сообщения, которое получила Мензах от службы безопасности станции.

Он громко загудел от удивления и отвращения – еще одна реакция, имитирующая человеческое поведение. Это вызвало бы у меня раздражение, если бы он не прислал результат запроса: изображение мертвеца, выходящего из двери в коридор общежития.

«Ха! Понял. Запрос: комната?»

Бот ответил:

«Запрос: удостоверение личности?»

Он не мог найти номер комнаты без удостоверения личности мертвеца. Или хотя бы того удостоверения, которым он пользовался.

«Неизвестно, – сказал я. Придется зайти с другой стороны. – Запрос: комнаты плюс коридор плюс без жильца плюс целевое время».

Бот провел еще один поиск и выдал тридцать шесть результатов – все комнаты, жилец которых в данный момент отсутствует и вышел до предположительного времени смерти мертвеца.

«Разрешена проверка состояния незанятых помещений, – добавил бот. – Проблема: конфиденциальность. Запрос: провести осмотр?»

Бот обладал разрешением инспектировать незанятые комнаты для проверки оборудования и намекнул, что, если я объясню точнее, он может заглянуть внутрь, не нарушая конфиденциальности.

Было бы неплохо поискать чипы с архивами и другие устройства хранения данных, в особенности спрятанные. Но я решил, что для опознания мертвеца мне нужно только одно. Одежда. Так я ему и сказал.

«Понял», – ответил бот, втянул руки и двинулся в нужный коридор.

Мы проверили семнадцать пустых комнат, и хотя бот не позволил мне ничего трогать, он открыл ящики для хранения одежды, чтобы я увидел содержимое в тех комнатах, где люди не разбросали вещи на столе и кровати. В

восемнадцатой комнате этого делать не пришлось. Все выглядело довольно аккуратно, но на стуле валялся шарф с тем же узором, что и рубашка мертвеца, только другого цвета.

Возможно, совпадение – одежда с таким узором могла быть популярной и дешевой в каком-нибудь транзитном узле. И даже с учетом снимка мертвеца из архива бота опознание нельзя было назвать абсолютно точным. Однако служба безопасности станции могла бы провести тщательный обыск комнаты и поискать совпадение ДНК.

Я быстро создал отчет с изображениями шарфа, координатами комнаты и связанным с ней сетевым идентификатором (имя: Лутран, пол: мужской), а также записью об использовании комнаты, которая указывала, что Лутран проживал здесь в течение двух станционных циклов. Я включил в отчет разрешение бота на осмотр комнат и отправил его в службу безопасности станции с пометкой «для старшего офицера Индах и техника Тьюрала». Служба безопасности станции привыкла получать от меня сообщения о совершенно неадекватных мерах по обеспечению безопасности Мензах. Я послал копию боту общежития, чтобы он знал, в чем дело, если ему начнут задавать вопросы. А потом сообщил ему, что ухожу.

Он проводил меня обратно по коридорам в вестибюль, где появились новые люди, они стояли перед киоском, как будто никогда не видели ничего подобного. Бот отправился им помогать, но послал мне запрос:

«Что дальше?»

Мне по-прежнему не хватало данных для реальной оценки угроз. Мне следовало вернуться к охране Мензах, притаившись в гостинице возле административных офисов и одним глазком просматривая сериалы. Я не ожидал снова получить сообщение от службы безопасности станции. Или, по крайней мере, не на эту тему; я рассчитывал, что они придумают какой-нибудь способ от меня отделаться. Я собирался получить информацию о расследовании по каналам Совета. Чтобы бот оставил меня в покое, я ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/uells_marta/dnevniki-killerbota-kniga-6-telemetriya-beglecov

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить